

© 1995 г.

П.В. БИЗЮКОВ

ПОДЗЕМНАЯ ШАХТЕРСКАЯ ЗАБАСТОВКА (1994-1995)

БИЗЮКОВ Петр Вячеславович - директор Института сравнительных исследований трудовых отношений (Кемеровский филиал)

Споры о правомерности шахтерских забастовок, их экономическом и политическом смысле, о формах протеста ведутся сравнительно давно. На мой взгляд, рассмотрение "подземной забастовки" как особой акции протеста способно дать новый материал для понимания складывающихся тенденций в реальной жизни. Возможно, этот феномен вынуждает признать, что для решения шахтерского вопроса делается пока еще очень немного, более того, в конечном счете несущественное. Вполне понятно беспокойство в связи с тенденцией роста стихийных забастовок и отсутствием эффективной легальной процедуры разрешения конфликтов. "Сидение под землей" выступает показателем неблагополучия с данной точки зрения, вместе с тем это явление дополняет социально-политическую и психологическую картину природы трудового конфликта в России.

Забастовки советского периода и большая забастовка 1989 г. были стихийными, поскольку отсутствовала правовая основа для организованных акций протеста. По сути забастовка квалифицировалась как преступление. Вместе с тем правовая сторона подобных явлений допускала гибкость[^] их пресечении. Если забастовка не очень мощная или бастующие не очень сплочены, то можно было найти и наказать лидеров-смутьянов. Когда преследование лидеров могло лишь обострить конфликт, находили разгильдяя-начальника, который "довел нормальных советских рабочих до незаконных действий". Попавшегося начальника карали, правда, не всегда строго, а "нормальные советские рабочие", получив минимальное удовлетворение своих требований, возвращались к работе. Лидеры-смутьяны (или те, кого удавалось обвинить), как правило, получали свою долю неприятностей, но уже по другим поводам.

Нельзя было не заметить нарастания забастовочного вала в 1989 г. Система управления предпринимала отчаянные меры по запрещению забастовок. В июне Кемеровский обком партии принимает решение о несовместимости статуса члена партии с участием в забастовках. Вместо того чтобы на шахтах снабдить, к примеру, мойки мылом, осуществляются попытки разделить рабочих на "верных" и "неверных". И в результате - забастовка, равной которой еще не было в отечественной истории. По горячим следам лета 1989 г. новоизбранный Верховный Совет принимает Закон "О трудовых спорах и конфликтах", закладывается фундаментальная норма рыночных трудовых отношений, работники получают право отстаивать собственные интересы.

Нельзя сказать, что этот закон удачен. Предложенная процедура подготовки к забастовкам оказалась столь громоздкой, что воспользоваться ею практически было нельзя. Большинство забастовок последующих лет проводились не в соответствии, а вопреки этому закону. Яркий пример - двухмесячная забастовка 1991 г. Возникла почва для суждений о законности акций. Однако только в конце 1993 г. впервые прозвучала угроза преследования организаторов незаконных забастовок. В этой связи обострился вопрос поиска действенной легальной формы протеста, которая бы не влекла за собой никаких преследований. С точки зрения шахтеров, форма протеста должна отвечать по крайней мере трем параметрам:

- эффективность осуществления определенных требований;
- оперативность организации в связи с конкретными событиями и причинами;
- "безнаказанность".

Подземные забастовки в Кузбассе

Год и месяц	Город	Шахта	Количество	
			дней	участников
1994, январь	Березовский	Бирюлинская	2*	23
1994, ноябрь	Прокопьевск	Центральная	Несколько часов	Один участок
1994, декабрь	Киселевск	Сутраиха	3	37
1995, январь	Киселевск	Киселевская	2*	52
1995, январь	Киселевск	Дальние Горы	2*	35
1995, январь	Березовский	Южная	3	20
1995, февраль	Киселевск -	Киселевская	10	150
1995, март	Кемерово	Северная	12	90
ВСЕГО			34	407

* Данные приблизительные.

Стремление избежать ответственности за организацию незаконной забастовки вполне понятно, однако его нельзя трактовать упрощенно. Данный вопрос имеет особую историю. Но вывод напрашивается один: незаконные стихийные забастовки являются ответной мерой на иное беззаконие, со стороны администрации и властей. Прежде всего это касается забастовок в связи с невыдачей зарплаты.

Идеальной формой протеста оказался невыход рабочих из шахты. Остаться на своем рабочем месте в знак протеста против чего-либо не означает начать забастовку с точки зрения закона о конфликтах. При этом достигается желаемый эффект - остановка предприятия. В соответствии с действующими положениями о безопасности и организации подземных работ нельзя продолжать работы, допускать в шахту новую смену до тех пор, пока оттуда не вышли те работники, чей срок пребывания под землей истек. Эта норма введена в расчете на ситуацию несчастных случаев и аварий, признаком чего является невыход работников из шахты. Добровольный невыход превращает данную норму в весьма полезный для шахтеров инструмент: в считанные часы останавливается все предприятие. Подобные действия рабочие называют акцией протеста, открещиваясь от термина "забастовка", и уходят тем самым из сферы действия закона о трудовых конфликтах. Не создается забастовочный комитет, не оформляются пакеты требований. Высказывается только одно требование и, как правило, в устной форме - погасить задолженность по зарплате. Протестующие не требуют остановки предприятия - его останавливают руководители в соответствии с действующим порядком. Таким образом, невыход из шахты как форма протеста, выходящая за рамки закона о трудовых конфликтах, в целом инициируется существующей системой трудовых отношений.

Очевидно, такая форма доступна только шахтерам из-за особой организации их производства и труда. Могут ли протестовать подобным образом горняки угольных разрезов? Неуход с места работы без захвата рабочего места для них окажется неэффективным. Кроме того, на поверхности больше возможностей применить силу по отношению к возмутителям спокойствия. По свидетельству ветеранов, невыход из шахты - давняя форма протеста. Ею пользовались шахтеры всех стран в борьбе за свои интересы. В СССР эта форма применялась крайне редко. С 1989 г. в выступлениях шахтеров фигурировали в основном "наземные способы". Представляется, что начало нынешней волны невыходов положили шахтеры шахты "Бирюлинская" (г. Березовский). Два дня провели они под землей в конце января 1994 г. Затем наступил перерыв до ноября. В этот период рабочие использовали в основном такую форму, как отказ от спуска в шахту. Но неэффективность данной формы становилась все более очевидной, и в ноябре отказываются от выхода горняки шахты "Центральная" (Прокопьевск). С этого времени невыход становится стандартной формой выступления шахтеров (таблица).

В общей сложности 34 дня или 13 838 человеко-дней провели под землей 407 шахтеров Кузбасса, участвуя в "акциях протеста". Много это или мало? Если сравнивать с количественными показателями наземных забастовок, то вроде бы и немного. Однако речь идет о подземной забастовке. Это совершенно иной мир, иные ощущения и иные последствия как для общества, так и для работников. Нарастание частоты таких забастовок и их специфика заставляют говорить о них особо.

В забастовках последнего времени важен и демонстративный характер протеста. Работники бастуют так, чтобы они были замечены, чтобы вызвать резонанс в общественном мнении. Безысходность и невозможность решить проблему, другими средствами вынуждают на крайние акции. Демонстративность имеет разные формы. Невыход из шахты - наиболее удобная для шахтеров форма, хотя шахтеры "Судженской" осенью 1994 г. прибегли к перекрытию Транссибирской железнодорожной магистрали. Горняки "Южной" (Березовский) рассматривали вариант перекрытия шоссе Кемерово - Березовский.

Все демонстрационные забастовки закончились полной или почти полной победой бастующих. В начале акций, как правило, надежды на успех было мало. "Денег нет и взять их неоткуда!" - таков ответ администрации. Но, как показывает практика, денег нет до поры, до времени, пока не произойдет нечто особенное. После этого, как по мановению волшебной палочки, деньги появляются, причем быстро, в необходимом количестве и выдаются в форме, наиболее удобной для шахтеров. В такой ситуации для шахтера ответ на вопросы "как?" и "почему?" выглядит однозначно: "Да потому, что они зажали наши деньги!" Куда исчезают железные аргументы руководства о невозможности выплат и отсутствии средств? Оказывается, и в безвыходной ситуации есть выход. Все возможно, нужно только нажать на них, припугнуть как следует. К таким выводам приходят рабочие.

Кстати, демонстрационный тип акций связан еще и с неоднородностью шахтерской среды. Существуют различия между группами рабочих по степени понимания ситуации, дисциплинированности, готовности действовать во имя общих интересов. В данных акциях участвуют наиболее активные и организованные рабочие, возлагая на себя функции представительства интересов всего коллектива (точнее, всех рабочих). Менее активные подключаются по мере необходимости, для расширения поддержки или в качестве "второй очереди". Поэтому демонстрационные конфликты - это конфликты активной и наиболее организованной части рабочих.

Попытки рабочих представить "акцию протеста" как неожиданную и стихийную вполне понятны. Но этот своего рода миф выгоден и руководителям предприятия. Они тоже в этом случае получают возможность уйти от ответа за "наличие нерешенных проблем", не просто просить, а требовать дотаций, кредитов, льгот и т.п. При этом вопрос о правомерности требований как бы отодвигается на второй план. Сначала нужно погасить конфликт, а потом разбираться: правильно или нет получены деньги и как их потом отдавать.

В среде рабочих забастовка вызревает достаточно долго - несколько недель, даже месяцев. Как правило, идея о подземной забастовке появляется тогда, когда перепробованы все доступные методы решения проблем. Начинается обсуждение необходимости "засесть в шахте". Форма обсуждения многообразна. Во-первых, это обмен мнениями на перерывах и в курилках или иной ситуации неформального общения. Вначале идет разговор о тяжелой ситуации (вообще или чьей-то конкретно), который находит понимание, сочувствие и поддержку окружающих. Потом происходит перенос этой ситуации на всех или на большинство участников разговора, в результате чего они приходят к выводу о том, что плохо всем и надо что-то всем вместе делать. При наличии авторитетных и энергичных лидеров среди участников разговора возникает идея организации забастовки, которую нужно обсудить со всеми рабочими — "потолковать с мужиками". Во-вторых, это "допрос" руководителей участков о перспективах получения зарплаты.

Начальный этап закрыт от посторонних глаз и о нем можно судить только по косвенным признакам и словам непосредственных участников организации забастовки, которые не склонны откровенничать. В ходе подготовки решается вопрос о количестве участников, о порядке невыхода, о подборе участников, как правило, по соображениям остроты личной заинтересованности и состояния здоровья, а также их психологических качеств.

Руководители участков, бесспорно, знают о подготовке. Информация о намерении рабочих забастовать и приблизительной дате забастовки у них есть, но они не делятся ею с высшим руководством по двум причинам: во-первых, из солидарности со своими рабочими (многие из них согласны с необходимостью применения крайних мер), а во-вторых, в соответствии с кодексом мужской чести, который предписывает не болтать о чужой тайне. Определенную роль играют слабость руководства предприятия, отчужденность от коллектива. Возможность намеренного провоцирования подземных забастовок руководством неочевидна.

Сама акция начинается в пересменке, когда одна смена заканчивает работу, а другая уже спускается. В одних случаях смены встречаются на поверхности, в других - под землей. Но именно в этот момент происходит принятие решения о невыходе и сообщается об этом представителям администрации. Оставшиеся на поверхности проводят собрание, на котором выражают солидарность с оставшимися под землей, договариваются (с помощью телефона или через посланцев) о мерах поддержки и способах взаимодействия, о поведении оставшихся на поверхности и т.п. Подземная забастовка началась...

Прежде всего оставшиеся решают вопрос о помещении, где они будут находиться. Дело в том, что находиться в обычных выработках долгое время просто невозможно - сквозняк, влажность и низкая температуры способны вывести человека из строя в течение двух—трех дней. Для своего пребывания рабочие занимают все мало-мальски подходящие места. Самым удобным местом оказывается аммонитный склад. Его удобство объясняется тем, что он располагается в тупиковой или изолированной выработке. Следующий момент — это налаживание связи с поверхностью и обустройство быта. Аммонитный склад привлекателен еще и тем, что там есть телефон и это дает возможность установить оперативную связь не только с шахтовыми службами (внутренний телефон), но и с городом.

После завершения обустройства помещения наступает время общения. Игра в карты и домино некоторых захватывает безраздельно. Десятки часов они проводят за игровым столом (если он, конечно, есть), переходят от компании к компании, меняют игры и даже не отвлекаются на еду. Только общие собрания или беседа с представителями начальства способны отвлечь их от этого занятия. Те, кто не столь азартен и выключается из игр, коротают время в разговорах. Очень оживленно проходят социально-политические дискуссии, в которых затрагивается широчайший круг тем: от проблем участка и бригады до общенациональных и политических проблем. Некоторые рабочие образуют своеобразные "политические клубы", в которых затрагиваются только эти проблемы. В дискуссиях вырабатывается единство взглядов на их собственную ситуацию, подбираются аргументы для оправдания своих действий, находятся и отгачиваются доводы для предъявления претензий. Активность общения в первые сутки пребывания под землей столь велика, что практически нет времени для сна. Большинство участников пробуют себя во всех формах общения: и играют, и "треплются", и дискутируют. Только очень немногие выбирают себе ограниченное амплуа и не отступают от него на протяжении всего срока пребывания под землей.

Обязательным элементом начальной фазы служит встреча с руководством, которое спускается в шахту для выяснения причин невыхода. Главная цель этого визита, в котором, как правило, участвуют директор шахты и главные специалисты, - получение требований от рабочих и выяснение их настроения. Конечно, имеется цель прекратить забастовку и вывести рабочих из-под земли, но это скорее всего пожелание, так как всем понятно, что уж если рабочие остались в шахте, то просто так они не выйдут оттуда. У рабочих цель встречи - предъявить требования, продемонстрировать свою решимость и получить информацию о возможных действиях руководства и перспективах удовлетворения своих требований. Встреча проходит обычно напряженно. У руководства, в отличие от рабочих, нет моральных прав предъявлять претензии, так как длительные невыплаты и отсутствие денег делают позицию рабочих практически неуязвимой. Директору предстоит слушаться в любом случае. Если он будет мягок и попытается найти общий язык, его обвинят в том, что он сначала довел людей до взрыва, а теперь подлизывается. А если попробует "рычать" и наводить порядок, то ему кто-нибудь из толпы или дружно вместе так "рыкнут" в ответ, что поневоле изменишь тон. Хотя возможен и другой вариант — глухое молчание и малословные ответы. Такая ситуация возникает тогда, когда рабочие опасаются индивидуальной мести со стороны руководства в адрес любого говорящего или возражающего. Во всяком случае, первая встреча заканчивается выявлением намерений, согласованием схем взаимодействия и перспектив.

Начальное возбуждение забастовщиков длится более суток. К концу вторых суток, когда исчезает эйфория от собственной смелости, когда проходит возбуждение, связанное с необычностью обстановки, когда удовлетворяется потребность в общении, начинаются будни забастовки - само сидение в ожидании того, когда будет решена проблема. Суть сидения заключается в том, что надо дожидаться очередной информации от руководства, чтобы принять решение. Контакты с ним носят разнообразный характер - прямой, косвенный, по телефону и в личных встречах. Каждая порция информации обсуждается, выносятся решение и сообщается наверх.

В первые дни забастовки проходят визиты журналистов. И на "Киселевской", и на "Северной" к шахтерам спускались сотрудники газет, телевидения, радио. Эти визиты достаточно кратковременны, и в ходе них журналисты преследуют лишь свои цели — сделать репортаж. Причем репортаж-информацию, в котором речь идет о факте забастовки, о требованиях и о

позиции руководства. Причины конфликтов большинство журналистов не исследуют и порой даже дают неточную информацию. К сожалению, через три-четыре дня интерес к такой социальной акции пропадает и бастующие оказываются один на один с администрацией.

Через три-четыре дня наступает тяжелая фаза забастовки. Появляются болезни и усталость. Как и у всех работающих, у шахтеров достаточно много хронических заболеваний. Особенно это касается тех, кому за сорок. Не в шахте, так в жизни каждый приобрел какую-нибудь "болячку". В обычных условиях с ней справляются просто - неделька на больничном, а то и на ногах, с использованием народных средств. Но в условиях долгого нахождения под землей, при пониженной температуре, в грязи, при плохом питании все болячки обостряются. Первыми себя дают знать желудочные заболевания. Нельзя сказать, что шахтеры во время забастовки едят мало. Но это бутерброды, куски мяса, сала, хлеб, пирожки — тяжелая пища, которая берется грязными руками, запивается чаем из термосов и т.п. Другая проблема - давление и головные боли. Сердечно-сосудистые заболевания - удел не только руководителей, но и всех, кто много и напряженно работает. Сорокалетние шахтеры, безусловно, относятся к этой категории, и у многих из них в такой обстановке начинаются обострения с сердцем и кровообращением в виде незначительных приступов. Есть суставные заболевания (бурситы, ревматизм), есть кожные (аллергии и сыпи), есть простуды - многое, что может заставить шахтера с чувством неловкости покинуть товарищей.

Забастовщики внимательно следят друг за другом во время акции. Основной девиз - мы здесь не для того чтобы погибнуть, а для того чтобы добиться своего. Поэтому все заболевшие отправляются домой, и вызываются новые члены из числа оставшихся на поверхности. Усталость накапливается за счет многих причин. Как правило, всем приходится постоянно сидеть или лежать на цементном полу или на досках. Грязная одежда, грязный пол и стены, пыль в воздухе - все это приводит к тому, что даже не работая, человек выглядит так, как будто отработал смену. Попытки сушить носки и портянки приводят к тому, что возникает стойкий и неприятный запах, который усугубляет ощущение грязи. К однообразию пищи и общения добавляются постоянное ожидание и неопределенность. Все пребывание под землей подчинено получению известий с поверхности. Что сделал директор, что сказал "генерал", что обещает Москва, какая реакция на других шахтах. Однако информация поступает редко и помалу. Поэтому ожидание составляет одно из главных занятий людей.

Не все оставшиеся проводят весь срок под землей. Первые дни состав участников, безусловно, стабилен. Но постепенно бастующие и их лидеры сталкиваются с необходимостью отпускать людей. Причины ухода из шахты несколько. Первая - болезнь, затем семейные дела. Похороны, болезнь жены (другого родственника) или что-нибудь подобное являются бесспорным основанием для выхода из забастовки. Есть группа причин, связанная с нежеланием участвовать в забастовке. Ситуация подготовки не исключает того, что в число "невыхшедших" попадают люди, которые волей обстоятельств оказались в числе бастующих и не решились высказаться о своем нежелании оставаться. Таких достаточно много, но большинство из них, хотя и с неохотой, но выполняют свой долг, понимая и необходимость забастовки, и необходимость своего участия. Тому, кто хочет уйти, достаточно сказать заболевшим. Кстати, случаев демонстративного ухода из числа бастующих не приходилось встречать.

Кандидатуры сменщиков подбирались различными способами. Но в любом случае здесь важную роль играют наземные структуры бастующих. Большинство оставшихся на поверхности "горят" присоединиться к ним в первые дни. Чем дальше, тем труднее найти желающих идти на замену. Поэтому не случайно возникает вопрос о возвращении под землю первого состава забастовщиков. Решив домашние проблемы, подлечившись, наконец, просто отдохнув дома, первый состав заменяет подмену, а то и просто возвращается. При этом численность бастующих может увеличиваться.

Особый аспект взаимоотношений бастующих - это проблема курения. Обычная норма в отношении курения в шахте — строгий запрет. Большинство шахт в Кузбассе относятся к разряду сверхкатегорийных, т.е. в них происходит обильное выделение взрывоопасного метана. Поэтому все меры, связанные с взрывобезопасностью, хорошо понимаются и поддерживаются не только руководителями и специалистами, но и рядовыми рабочими. Перед спуском в шахту и сразу после выхода большинство рабочих (а некурящих среди них очень мало - не более 10%) предпочитают накуриться. Запрет на курение продолжает действовать и в ситуации забастовки. Невозможность курить под землей ставит многих "курильщиков" в затруднительное положение. Ведь решая вопрос о том, оставаться или нет, они, порой, не берут в расчет эту проблему; после осознания начинаются поиски выходов на поверхность, так как другого варианта просто не существует.

Серединная часть забастовки тяжела еще и тем, что в это время почти полностью от-

сутствует информация о решении главного вопроса - выдачи зарплаты. Но это не означает, что процесс переговоров и контактов с администрацией прекращается. Как правило, в конце первой недели проходит собрание коллектива шахты. Трудно установить, кто является его инициатором. Администрации это нужно по нескольким причинам: с одной стороны, прощупать готовность коллектива бастовать дальше, а с другой, для того чтобы отчитаться перед вышестоящими, что они делают все, что можно, с третьей - попытаться заручиться поддержкой коллектива в "выбивании" денег. Рабочим это нужно прежде всего для того, чтобы прощупать позицию руководства, продемонстрировать Свою решимость и узнать оценку ситуации у рабочих, оставшихся на поверхности. На собрании присутствует вся администрация, большая часть тех, кто остался на поверхности, представители профсоюза, иногда приезжают и вышестоящие боссы городского или областного уровня, делегация из-под земли, иногда представители политических организаций. Главное действующее лицо — администрация. Директор дает информацию о том, как движется дело, свою оценку ситуации. Примерно через час бесперспективность собрания становится очевидной. Самые нетерпеливые начинают уходить, и через несколько минут собрание заканчивается из-за ухода основной массы рабочих. Принять решение или резолюцию не удается. Поэтому истинный смысл собрания - получение информации о состоянии дел, а точнее, о позициях различных участников событий - администрации, профсоюзов, бастующих, отдельных личностей. На основе этой информации участники пытаются определить перспективы событий.

Заключительная фаза забастовки начинается с момента появления информации о получении денег. Чаще всего эта информация приходит из Москвы из "Росугля". Информация касается либо получения прямых субсидий, либо возможности получения кредитов. Вмешательство самых высоких инстанций происходило во всех случаях забастовок конца 1994 - начала 1995 гг. На региональном уровне руководители не особо озабочены проблемами забастовки, даже когда они проводятся в столь жестком варианте, как подземная. Сначала нервы не выдерживают у руководителей федерального уровня. Причем возникает впечатление, что первыми сдаются не в "Росугле" и даже не в Минтопэнерго, а в тех ведомствах, которые отвечают за имидж курса реформ и политическое лицо руководства. Очень важным моментом является политизация конфликта. Вмешательство Жириновского в Анжеро-Судженске, Зюганова на "Северной" привело к возникновению нового канала давления на правительственные структуры. Боязнь вызывает потеря управляемости через традиционные административные каналы. В результате на бастующих буквально сваливается решение всех их проблем - находятся деньги, которых раньше никак не находилось. Все развивается стремительно - выделение денег, их перечисление. Встает вопрос только о сроках и порядке выдачи.

Организация выплаты на шахтах не отличается ни простотой, ни оперативностью. Несколько лет назад на всех шахтах был принят следующий порядок: заработная плата не выдавалась в наличной форме, а перечислялась на лицевые счета в сберкассе (позднее в Сбербанк). Причин для введения такого порядка было несколько. Во-первых, предприятие избавлялось от необходимости совершать операции с большим количеством наличных денег. Во-вторых, на шахте исчезал ажиотаж, связанный с получением денег, так как дважды в месяц на каждом предприятии несколько тысяч человек должны были получить свои деньги в течение двух-трех дней. При этом толкотня, конфликты и т.п. неприятности возникали регулярно. В-третьих, активно использовался и такой аргумент: выдача через сберкасса снизит пьянство среди рабочих, так как они будут получать свои деньги в разных местах и в разное время; исчезнет возможность для группового пьянства. Возможно, этот аргумент следует считать справедливым по отношению к некоторой части шахтеров, хотя на уровень пьянства в шахтерской среде эта мера существенно не повлияла. Для рабочих последствия были неоднозначны: при дефиците наличных денег сберкасса по несколько месяцев не выдавали зарплату. Возникли ситуации, когда в одних районах деньги выплачивали, а в других нет. С открытием отделений Сбербанка на предприятиях вернулись толкотня и ажиотаж, но теперь за это уже отвечало не предприятие, а Сбербанк. Возникновение дефицита средств на предприятиях неразбериху в процедурах выплаты только усилило. Теперь средства стали отправлять порциями. При этом возникают ситуации, когда деньги от предприятия перечислялись в несколько отделений Сбербанка, и те работники, которые имели там счета, могли получить деньги, а на другие отделения денег не хватало. В результате на одном участке часть людей имела зарплату, а другая не имела.

Поэтому интерес рабочих к тому, каким образом и когда будут выплачены деньги, был вовсе не праздным. Для них информация о выделении средств!, уверения самых высоких начальников о том, что все получат деньги в ближайшее время, и даже демонстрация финансовых документов не служат гарантией. Гарантия одна - когда последний рабочий получит деньги.

Причем рабочие тщательно оговаривают процедуры выплаты, вплоть до очередности участков и сберкасс, куда должны быть направлены деньги в первую и в последнюю очередь. Очередность выплаты по участкам тоже имеет немаловажное значение.

В частности, этот вопрос обсуждался на "Северной". Шахтеры выставили условие - сначала получают деньги все вспомогательные участки, а проходческие и единственный очистной участок должны получить деньги в последнюю очередь. Подобное требование было связано с тем, что имелось опасение, как бы начальство не пошло по пути раскола рабочих, выплатив деньги основным участкам полностью, а вспомогательным частично или в гораздо меньшем размере. Запустив основные участки, можно заставить работать вспомогательные. Насколько оправданы такие опасения? Думается, что оправданы. Персонал вспомогательных участков менее активен, более зависим от руководства и без рабочих основных участков может оказаться неспособным к отстаиванию своих интересов. Забастовщики же представляют интересы всего коллектива. Выставляя свои требования, они не забывали и о столь нелюбимой ими конторе, требуя, чтобы там тоже была выдана зарплата.

Переговоры на финальной стадии проводятся наверху, в кабинетах руководителей. Руководство, имея документальные гарантии выплаты, настаивает на выходе и начале работы, подчеркивая, что это в их же интересах; рабочие настаивают на своем, демонстрируя недоверие к представленным гарантиям. Еще одним предметом переговоров является объем выплат. Если на "Киселевской" шахтерам удалось добиться полного погашения долга, то на "Северной" только за четыре из пяти месяцев. Финальные переговоры имеют тяжелый и затяжной характер. В них участвуют представители бастующих, как правило, лидеры, представители профсоюзов шахты, администрация предприятия и представители администрации ассоциации (вышестоящего объединения). Итогом финальных переговоров является согласованный порядок выплаты. Руководство приступает к организации выплат, а рабочие возвращаются под землю ожидать результатов.

Финальная стадия длится несколько дней, и в этот период ожидание особенно тягостно. Всем становится известным, что проблема фактически решена и надо продолжать "сидение" только для того чтобы проконтролировать выполнение решений. В такой ситуации сохранять дисциплину трудно. Увеличивается количество выходов на поверхность и уходов из числа бастующих. В этих уходах есть как вполне приемлемые мотивы, так и нежелание дальше мучиться. Для контроля выполнения важно наличие некой "контрольной группы", ее численность может быть небольшой. Главное, чтобы забастовка не прекратилась и чтобы в случае обострения обстановки или нарушения договоренностей можно было бы развернуть забастовку в прежнем, а то и в большем объеме.

Вопрос об участии профсоюзов в подземной забастовке имеет важное значение. Профсоюзы вынуждены всячески отмежевываться от забастовки, представляя ее "стихийной акцией протеста". Позицию Независимого профсоюза горняков (НПГ) можно охарактеризовать как максимально включенную. Отрицая свою причастность к организации забастовки, НПГ открыто оказывал всяческую помощь во время ее проведения. Лидеры НПГ выполняли представительские функции от лица бастующих на поверхности, организовывали связь, питание, находились в постоянном контакте с бастующими.

Их активная позиция на шахтах "Киселевская" и "Северная" привела к обвинениям со стороны руководства в организации забастовки. Эти обвинения подкреплялись тем, что лидерами подземной забастовки являлись активисты НПГ. На обеих шахтах во главе бастующих были заместители председателя НПГ шахты. Характер их выступлений и высказываний чаще всего резкий и критический. По сути дела они становились рупором бастующих, высказываясь от их имени и ведя полемику. Этому в немалой степени способствовала напористость и даже агрессивность лидеров НПГ. В ходе общения рабочих с администрацией неоднократно возникали ситуации, когда руководителям удавалось буквально засыпать аудиторию цифрами, подавить фактами, заигнорировать гладкой речью. неподготовленному рабочему трудно спорить с руководителем. Чаще всего именно лидеры НПГ способны остановить поток начальственного красноречия и высказать точку зрения рабочих.

Политические ориентации шахтеров всегда представляли интерес для общественного мнения. Многочисленные дискуссии на социально-политические темы позволяют охарактеризовать политические взгляды бастующих. Прежде всего широк спектр ориентации демократы, коммунисты, фашисты, анархисты и монархисты. Единственное, что объединяет всех, - это

неприятие нынешнего политического руководства, руководства отрасли и министерства, общая политика государства. Прежде всего осуждение связано с тем, что государство создало ситуацию столь долгой задержки зарплаты. Далее общее недовольство распространяется на такие общегосударственные акции, как экономические реформы, приватизация и др. Снижение уровня жизни шахтеров большинство связывает именно с этими событиями. Большинство также считает, что Ельцин пришел к власти только благодаря их (т.е. шахтеров) поддержке. Тяжелую ситуацию в стране и свое положение, в частности, они ассоциируют с предательством президента по отношению к своим вчерашним союзникам.

Немногие из числа шахтеров выражают поддержку коммунистам, несмотря на частые сожаления о том, что при коммунистах им жилось намного лучше. На вопросы о том, смогут ли нынешние коммунисты улучшить положение дел, они отвечают отрицательно. Зато с уверенностью говорится о том, что в случае прихода к власти компартии начнется новый передел собственности и привилегий. Часто высказывается мнение, что коммунистические идеи не так уж плохи, просто не было "настоящих коммунистов", способных воплотить их в жизнь. Сочувствуют коммунистам рабочие, которых с уверенностью можно назвать элитой. Это те, кому за сорок, у кого высокая квалификация и большой стаж работы на шахте. Их симпатии во многом объясняются тем, что в нынешних условиях они стали жить намного хуже, чем раньше, что привело к разочарованию в реформах. Их позиция однозначна: если в результате реформ не становится лучше, то это плохие реформы. Позиция всех политических сил, ориентированных на продолжение реформ, для них представляется неприемлемой.

Пожалуй, наиболее оптимистично настроены немногочисленные сторонники Жириновского. Они уверены, что предлагаемыми Жириновским методами быстро удастся навести порядок и справедливость. Как правило, это рабочие тридцати лет, хотя среди них есть и сорока- и пятидесятилетние. Уровень образования и квалификации здесь не очень велики, зато часто высказывается желание "взять автомат и поставить сволочей к стенке". Под "сволочами" могут пониматься и рэкетеры, и чиновники, и демократы, и т.п.

Сторонников Гайдара очень немного. Чаще всего это люди, которые сохранили⁴ романтические представления о рынке. Они не связывают произошедшие изменения с именем Гайдара и считают, что ему не дали развернуться. Правда, суть его предложений ни тогда, ни сейчас им неизвестна. В их представлении он имеет, скорее, образ "настоящего рыночника". Подобный же имидж имеет и Явлинский. Его сторонников еще меньше, чем гайдаровских, т.е. единицы. Основанием для симпатий здесь служит внешний вид этих политических лидеров. Надо сказать, что симпатии к ним высказываются очень осторожно, так как их позиция весьма непопулярна среди шахтеров.

Из лидеров местного уровня однозначную поддержку имеет Аман Тулеев. Трудно сказать, чем объясняется эта поддержка - его собственной позицией или отрицанием той позиции, которую занимает его областной антипод - губернатор области М. Кислюк. Известная передача "Час пик", прошедшая в сентябре 1994 г., в которой М. Кислюк заявил об отсутствии напряженности в области и задержки зарплаты на шестнадцать дней, полностью подорвала доверие к нему.

Наконец, немалая часть не имеет четких политических ориентации. Их позиция такова: "Нам все равно, кто у власти - коммунисты, демократы или фашисты. Лишь бы работа была и платили вовремя!" Такое состояние стало следствием разочарования многих шахтеров в тех идеалах преобразования общества, в которые они поверили в начале 90-х годов. Очень часто высказываются сожаления по поводу того, что шахтеры своими забастовками способствовали развалу Союза и приходу к власти нынешнего политического руководства. Высказываются идеи покаяния и необходимости вернуть все на свои места: "Мы это развалили, мы должны и собрать!"

Одним из наиболее интересных феноменов сознания рабочих является представление об идеальном руководителе предприятия. Эта тема постоянно поднимается в "подземных" дискуссиях и обсуждениях. Каким должен быть руководитель предприятия, кто может претендовать на звание хорошего руководителя из известных рабочим директоров - эта тема вызывает постоянный интерес. Можно выделить два образа руководителей: "добрый капиталист" и "строгий, но справедливый хозяин".

Первый образ связан с теми романтическими представлениями рабочих о рынке и отношениях работников с руководителями, которые во многом созданы журналистами, расписывающими прелести рыночной экономики. Созерцание улыбочивых рабочих, живущих в опрятных домиках с лужайками, работающих в чистых цехах, лощеных и улыбочивых менеджеров, создало стереотип "добротного капиталиста": он понимает рабочих, все их потребности и интересы, он гонится не столько за прибылью для себя, сколько за благополучием сотрудников

своего предприятия; не позволит несправедливости по отношению к своим рабочим и, если надо, защитит их. Специальная информация, распространяемая западными профсоюзами, научная информация о трудовых отношениях на западе рабочим неизвестны. Практически никому неизвестно и то значение, какое имеют профсоюзы в жизни западных предприятий, неясны их функции и организация деятельности.

Другой образ - "строгого, но справедливого" - связан с реальными руководителями, которые возглавляют или возглавляли реальные предприятия. Как правило, речь идет о старом директоре, при котором предприятие процветало (или даже просто находилось в числе благополучных). При этом личность такого директора идеализируется, отбрасываются все негативные черты и неблагоприятные поступки. Остается "героический" образ того, кто провозглашается как эталон. Наблюдается идеализация руководителей старого типа, которые "умели выжимать план из работяг", но и "умели заботиться о простых рабочих". При этом жесткость, авторитарность и даже грубость не рассматривались как недостатки. При наличии "заботы и справедливости" директору могло быть прощено и забыто буквально все. Идеальным признается руководитель, "понимающий" не только насущные нужды, но и слабости рабочих, прежде всего готовый прощать нарушения и некачественную работу. То есть идеал должен не только быть патерналистом, но и ориентироваться на систему неформальных зависимостей, когда в обмен на некачественную работу рабочие могут ему предложить повышенную должность. Здесь проявляются неготовность и нежелание самих рабочих идти на договорные отношения, которые сужают поле для патернализма и неформальных регуляторов.

Наблюдение за бытом подземной забастовки, не исключая проведение обычных профилактических шахтерских работ, показывает, что в ее процессе не происходит ничего героического, эпического и сверхэкстремального. В общественном мнении существуют как минимум два представления о забастовке. Первое связано с мрачной героизацией: это тяжелая, почти героическая ситуация, а ее участники почти герои, которые вынуждены находиться в тяжелейших условиях. Спокойная, а подчас и веселая обстановка, постоянные выходы на поверхность, возможность позвонить домой или повстречаться с родственниками, сытная еда и др. — все это лишает подземную забастовку мученического ореола. Другое представление более прозаическое: подземная забастовка ничем не отличается от обычной остановки работы. Обыденность реальной ситуации только усиливает это впечатление, лишая событие значительности.

Истинный смысл подземной забастовки - демонстративность. Перепробовав все способы, шахтеры ставят работодателя перед необходимостью самостоятельно найти способ разрешения конфликтной ситуации. Средством является готовность пойти на жертвы и даже на муки. Пример голодовки шахтеров Приморья в апреле 1995 г. показывает, что тяжелый вариант развития событий вполне реален. На кубасских шахтах голодовка тоже не исключалась. На "Северной" после недели безрезультатного сидения под землей шахтеры начали готовиться к голодовке, и только информация о перечислении денег из "Росугля" остановила их. Таким образом, подземная забастовка в считанные часы может перерасти в экстремальную форму протеста. Именно это и заставляет управленцев всех уровней интенсивно работать над разрешением конфликта несмотря на то, что неделями раньше не предпринималось никаких соответствующих условий. Ведь помимо голодовки, болезней в шахте может возникнуть аварийная ситуация из-за остановки работ. Именно возможность внезапных, тяжелых последствий для людей и предприятия служит главным средством давления со стороны шахтеров.

Это прекрасно понимают и сами рабочие. Они готовы к тому, что может случиться непредвиденное, а может, и самим придется обострять обстановку до предела, например, начинать голодовку или блокировать профилактические работы по поддержанию шахты. Такую ситуацию нельзя назвать ни легкой, ни нормальной. Ответственность за сложившуюся ситуацию и ее последствия рабочие возлагают на управленцев. Основанием для этого они считают свое отчаянное положение. Их логика примерно такова: "Мы терпели, пока было возможно".

Со своей стороны управленцы в конечном счете доказывают справедливость такого поведения рабочих. Нахождение денег в сжатые сроки, ведение интенсивных переговоров на финальной стадии забастовки, признание справедливости требований ставит вопрос: неужели все это является продуктом внезапного и запоздалого прозрения? Ответ может быть только один — нет. Вся тяжесть ситуации осознается руководством отрасли и предприятий. А от-

существование действий объясняется, с одной стороны, пренебрежением к интересам рабочих, а с другой - безнаказанностью за создание конфликтных ситуаций на предприятиях.

Абсурдность ситуации заключается в том, что все стороны сознают ненормальность сложившегося положения. Но одна сторона - руководство - старается как можно дольше не замечать этого, а другая - рабочие - наоборот, как можно громче заявить об этом. Опасность ситуации в соревновательности этих двух позиций. Нарастание невнимания к реальным нуждам соперничает с демонстрацией своего безвыходного положения. Опыт показывает, что решение в конце концов все равно находится. Весь вопрос в цене этого решения. Цена договоренности о ликвидации задолженности по зарплате в результате забастовки выглядит чересчур завышенной как для отдельных людей, так и для предприятия и для общества в целом.